

Леонид Добычин

Евдокия

Часть сборника
Город Эн (сборник)

Леонид Иванович Добычин

Евдокия

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174156

Город Эн: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-24475-1

Аннотация

«Анна Ивановна, в красном капоте, сидела над обрывом в тени сосны. Собачонка Эльза, пощипывая травку, бродила около.

В беловатом небе плыли ряды круглых, как капуста, облачков. За Двиной, против Анны Ивановны, была улица с одним рядом построек. Дачники покачивались в гамаках перед крылечками, завешанными парусиной с красными краями. Под откосами купались мальчишки. Корова стояла в воде передними ногами. Вправо начинался второй ряд домов, против него – задняя стена графинина парка, дальше – сквер и речка Елдыжка. За речкой стоял на горе большой белый костел, подымались на гору улицы, крестик маленькой церкви блестел в зелени. Позади местечка была еще гора, голая, поросшая одною травой, и на ней – расписная часовня...»

Содержание

1	4
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Леонид Иванович Добычин

Евдокия

1

Анна Ивановна, в красном капоте, сидела над обрывом в тени сосны. Собачонка Эльза, пощипывая травку, бродила около.

В беловатом небе плыли ряды круглых, как капуста, облачков. За Двиной, против Анны Ивановны, была улица с одним рядом построек. Дачники покачивались в гамаках перед крылечками, завешанными парусиной с красными краями. Под откосами купались мальчишки. Корова стояла в воде передними ногами. Вправо начинался второй ряд домов, против него – задняя стена графинина парка, дальше – сквер и речка Елдыжка. За речкой стоял на горе большой белый костел, подымались на гору улицы, крестик маленькой церкви блестел в зелени. Позади местечка была еще гора, голая, поросшая одною травой, и на ней – расписная часовня.

– Здравствуйте, Анна Ивановна... Извините, я без корсета.

Фрау Анна Рабе стояла, в соломенной шляпе с цветами и белой кофте с синими букетиками, и, прижимая подбородок к воротнику, украшенному костяной ромашкой, прият-

но улыбалась. Она протягивала Анне Ивановне одну руку, а в другой что-то держала за спиной.

– Посидите, дорогая фрау Анна. Какие там корсеты – я в капоте... Откуда?

– Ходила к леснику за яйками. У меня одна кура хочет сидеть: взяла у лесничихи яйца – у ней есть хорошенькие курочки, – сказала фрау Анна, усаживаясь и ставя рядом с собой маленькую корзиночку. – Достала двадцать штук: ну, что вы скажете?

– Да, это действительно... Ну, а еще что вы сегодня делали?

– Когда пошла за яйками, видела Катерину Александровну с двумя служанками.

Анна Ивановна кивнула головой: – К обедне.

– Мадам Пффердхен на балконе пила кофе. Анна Ивановна засмеялась. Фрау Анна потупилась.

– Говорят, она его хлещет прутьями.

Фрау Анна молчала и рассматривала заткнутые у нее за поясом маргаритки. Анна Ивановна побарабанила коротенькими пальцами по черной ленте на капоте.

– А где же ваша Цодельхен?

– Вот она, гуляет с Эльзом, – смотрите, какие это есть веселы две собачки.

Тень передвинулась, и солнце забралось к Анне Ивановне на ногу. Развеваясь, шевелились под затылком не помещившиеся в прическу волосы.

– Кто это идет купаться? Кажется, Гаврилова?

Поговорили о фокусах Гавриловой – о том, как она бросилась в колодец. – И у нас мужья умерли, – сказала Анна Ивановна, – но мы – ничего.

– Только плакали.

– Ну, это – конечно.

Помолчали. Медленно плыли плоты и скрипели веслами. – Кажется, мадам акцизничиха с мужем на огороде, – сказала фрау Анна, поднося к глазам ладонь. Анна Ивановна повела бинокль. – Она и есть. Мечется, как кошка, а он – босиком и в рубахе по щиколотку... Не едят мяса и ни с кем не знают, и воображают, что умнее всех. – Она хотела хорошенько посмеяться над акцизным и акцизничихой, но под откос начал спускаться мужчина в парусиновых штанах. – Идет учитель! Раздевается! Всегда удивляюсь, как его до сих пор не засадили: это ведь шпион. Когда была японская война, он здесь шпионил... Посмотрим, нет ли на нем следов от прутьев. Нет, что-то незаметно. Хотите посмотреть? – Она протягивала бинокль. Фрау Анна покраснела и качала головой.

Белобрысая двенадцатилетняя Иеретиида в синем платье и черном фартуке, прискакивая, несла на плече лопату. За ней, сложив на выпяченном животе костлявые руки, шла Катерина Александровна, в черном платье с белыми полосками и шляпе с креповым хвостом. Сзади, неся под мышкой коробку с веером и зонтик, шла Дашенька – сорокалетняя, черная, грудастая и чванная. Идя по середине улицы, они спускались к берегу. Пахло цветущей липой. Лавочницы, сидя на табуретках, дремали у дверей.

Вывески с подписью «Художник Цыперович» были украшены изображением дамы с распущенными желтыми кудрями. Она гуляла в красной шубе среди снегов: – Прием заказов, – сидела за столом, и перед ней лежали хлеба и стояли чаши, как на тайной вечере: – Дешевые еврейские обеды, по пятницам бывают пироги.

Около Пфёрдхеншиной аптеки свернули вправо и по мосту с дощечкой «мост опасен» вышли в зеленую улицу с серыми тропинками.

– Какая яркая трава, – сказала Катерина Александровна, – как будто маленькие дети раскрасили травку в тетради для раскрашивания.

Иеретиида загляделась на девчонку, которая бежала против ветра, держа над головой распряленную наволоку. Ка-

терина Александровна внимательно смотрела на занимавшую длинный квартал булыжниковую стену графинина парка. Дашенька читала имена домовладельцев и разглядывала прибитые к воротам досочки, работы Цыперовича, с изображением пожарных принадлежностей.

— Тюленьи кожи идут на ранцы! — У учителя были открыты окна, он диктовал, расхаживая по комнате, без пиджака, с сладким лицом и с сладким голосом. Катерина Александровна отвернулась и старалась не думать о Пффердхенше, хлестанье прутьями и шпионстве: она считала себя женщиной возвышенного направления, которая не может интересоваться сплетнями.

Кончились дома полевою руку, Двина, незаслоненная, заблестела. Дачники покачивались в гамаках. Катерина Александровна окликнула Иеретииду, взяла у Дашеньки веер, чтобы отгонять комаров, и, повернувшись спиной к реке, они свернули вправо и по лесной дорожке пошли на кладбище.

Около могил развели два маленьких костра от комаров. Катерина Александровна села на скамейку, посидела, посмотрела на памятник с портретом старичка в медалях и эполетах, встала, покрестилась, костры засыпали.

Возвращались по другой дороге. За полем, в загородке из шиповника, стояло облезлое распятие и начиналась графинина булыжниковая стена. Проходя мимо растворенных ворот, Катерина Александровна повернула голову и смотре-

ла на двор с круглой клумбой и белый фасад с закрытыми окнами: никого не увидела.

У калитки сквера она отпустила Дашеньку и Иеретииду и пошла под цветущими липами. Все дорожки приводили на площадку с фонтанчиком и четырьмя скамейками. Сбоку, в полосатой будке – белой с красным – сидела желтоволосая, с пористым носом и щеками, Роза Кляцкина; вокруг нее были расставлены бутылки с квасом. Цыперович, скрестив руки на груди, стоял снаружи и, принимая позы, заглядывал в Розины глаза.

Фрау Анна Рабе, в кисейном платье на синем чехле, с белым зонтиком и маленьким букетиком, вышла на площадку из другой аллейки. Катерина Александровна, обмахиваясь веером и расправляя креп, уселась с ней на ту скамейку, с которой не видно было Розы и Цыперовича. Цодельхен свернулась у кисейного подола. От лип сладко пахло. Темная зелень, закрывавшая солнце, казалась прозрачной.

– Посмотрите, дорогая Анна Францевна, – сказала Катерина Александровна. – Мы сидим как будто в зеленом флакончике, и сквозь него проникает свет.

Фрау Анна подумала, приятно улыбнулась и закивала головой. – Ах, это есть очень красиво.

Они помолчали, откинувшись на спинку скамейки. Катерина Александровна думала об одной даме, которая на ее фразу поднесла бы элегантный и изысканный ответ...

Ксендз Балюль, с прыщеватым лицом, пробежал, согнув-

шись и бросая исподлобья шмыгающие взгляды. — Наверное, из палаццо,¹ — сказала фрау Анна. Катерина Александровна моргнула. — Да, ведь графиня Анна, кажется, приехала?

— Приехала. Это есть очень неудобно: я покупала у ейного садовника салат, а теперь он не продает.

— Скажите, дорогая Анна Францевна, вы с ней знакомы?

— Когда мой Карльхен был жив, он в палаццо лечил — тогда я тоже была с ними знакома. Но когда они мне фанатисмус показали, тогда я с ними больше не знакома.

— Что, вы говорите, они вам показали?

— Фанатисмус. — Она стала рассказывать, как Карльхен умирал и граф Бонавентура пришел с ксендзом: пусть Карльхен возьмет католицизмус. — Нет, нет! — Он говорил, что хочет перед смертью католицизмус принимать. Теперь он болен есть и не имеет память. Мы должны евонных первых слов выполнять. — Ксендз открыл сумку, фрау Анна распахнула форточку и закричала. — Это был целый шкандал, и мы с графинем Анном не есть теперь очень приятные.

¹ Дворец, особняк (ит.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.